

Помой меня

Арина Вейс

Арина Вейс

Помой меня

<https://litres.ru/74660763>

SelfPub; 2026

Аннотация

На обложке – мгновение, которое хочется запомнить. А внутри – история про то, что по-настоящему важно: про доверие, про маленькие опоры и про умение просто стоять рядом.

Вера долго тащила всё на себе – и автомойку, и дом, и тревоги за близких. Ей казалось: если хоть что-то отпустить – всё рассыплется. Но однажды рядом появляется Марк – не как спасение, а как человек, которому можно доверить простое, но важное дело. А рядом – Стёпа, который с детской серьёзностью берёт на себя свою маленькую, но такую нужную ответственность: «Я за тряпки отвечаю». История о том, как доверие рождается не в громких словах, а в буднях: в ровно уложенных шлангах, в плотно закрытом замке, в спокойном вечере, когда можно выдохнуть и понять: ты не один, и этого достаточно.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Полная, с воском	5
Глава 2. Второй четверг. Копилка	12
Глава 3. Читательница чужой жизни	17

Арина Вейс

Помой меня

От автора

Юридическая оговорка (Disclaimer):

Все персонажи, названия компаний, включая автомойку, и описанные события являются абсолютным вымыслом автора. Любые совпадения с реальными людьми, местами и событиями – случайны.

Автор убедительно просит не использовать данное художественное произведение в качестве официального пособия по мойке машин, изготовлению кормушек, построению бизнеса или прикладной психотерапии. Попытки повторить описанные в тексте действия могут повлечь за собой неожиданные последствия. Приятного чтения!

Глава 1. Полная, с воском

Если бы мне в мае сказали, что к тридцати я буду знать наизусть сортировку грязи, я бы рассмеялась. А теперь я различаю на слух, что едет на мойку: «Нива» бабы Зины скрипит отдельно и стыдливо, «Солярис» таксиста Севы просто ноет, как сам Сева, а вот тёмные седаны премиум-марок подъезжают молча – им тоже стыдно, но у них это скрыто от посторонних.

Август заканчивался так щедро, что было подозрительно. Солнце уже легло на бок, трасса за забором гудела жаром, и всё на мойке – шланги, бочки, папины резиновые сапоги – пахло водой, пеной и почему-то дыней. Я собиралась закрыться через двадцать минут и уже мысленно была дома, где ждал остаток холодной солянки и Стёпка, который к восьми годам научился делать вид, что уроки сделаны, лучше, чем я делаю вид, что мне всё равно.

И тут въехал он.

Тёмный седан – не новенький, но ухоженный. Точнее, ухоженный со стойкой оставшихся шрамов: на бампере трещина, запаянная и обидевшаяся, и царапина вдоль крыла – длинная, как чья-то подпись. Машина чистая снаружи уже процентов на сорок, то есть её моют часто. Слишком часто для машины, которая просто ездит по делам.

Он вышел из машины, и я, признаться, не поняла сразу,

что он вышел. Мужчины у мойки в основном выходят двумя способами: либо важно, с телефоном в руке, либо виновато, как школьники. Этот – просто оказался рядом. Стоял, ладони в карманах куртки – в жару, в августе, в куртке, заметьте. Не суетился.

– Полная, с воском, – сказал он.

И это были все слова. Я ждала продолжения – люди обычно продолжают: «да побыстреей», «только багажник», «у меня там вот это, аккуратней». Он не продолжил. Он просто стоял и смотрел куда-то в сторону трассы, как будто у дороги было право первыми с ним разговаривать.

– Полная с воском так полная с воском, – сказала я. – Садитесь в тень, у нас кола и автомат с водой, если что.

Он кивнул так, словно я выдала ему пропуск, и ушёл в тeneвую полосу под козырьком. Сел. Достал телефон. И не открыл его.

Между прочим, я это записала. Не в блокнот – в себе. Я ведь здесь почти год, и я знаю, что клиенты делятся на тех, кто живёт без телефона, и тех, кто живёт только с телефоном. Вторых больше, но у вторых хотя бы руки шевелятся. А этот просто сидел и смотрел, как пена стекает с его капота, с выражением человека, который пришёл на приём к врачу, но врача нет.

Работа есть работа. Я не псих, я мойщица, и я мойщица хорошая.

Первым делом я открыла дверь салона – машина всё-та-

ки снаружи вторична, я вам как мойщица говорю: какой человек, такая и его машина. Сюда заглянула, сразу скажу, по необходимости, а еще – я женщина любопытная, хотя нет, я женщина наблюдательная, это другое, это у меня профессиональное.

Салон пах пустотой. Не «химией» и не «бигмаком», а именно пустотой – как комната, из которой недавно вынесли что-то большое и не заметили, как вынесли вместе с частью пола.

Детского кресла не было. Но были следы: две вмятины-точки на заднем диване, отпечатанные намертво, и короткая чёрная заклёпка, закатившаяся под сиденье. Значит, кресло есть. Значит, ребёнок есть. Но кресло он с машины снял. Снимают кресло обычно по трём причинам: ребёнок вырос, ребёнок переехал к бабушке или ребёнок теперь ездит в другой машине.

Не буду тебе врать – я в ту минуту не ставила такие точные диагнозы. Тогда я просто сунула палец под сиденье и вытащила заклёпку, а вместе с ней чек. Один. Из стройгипермаркета, на двенадцать с чем-то тысяч, трехнедельной давности. Ручки, саморезы, фаска мебельная.

Мужчина с чеком на мебельные ручки.

Пустой бокс для очков на торпедке – очки в уличном отсеке, то есть очки носят. Запах – очень слабый, но есть: чей-то одеколон, не его. Отельный, из дешёвых гостиниц с завтраком, где полотенца гладкие и никто не знакомится.

Ага, сказала я себе. Всё ясно. Разведён, ребёнок есть, но по нечётным. В гостиницах по нечётным тоже. Мебельные ручки – потому что жена забрала с собой даже ручки, а он теперь живёт в квартире, где мебель стоит чужая, как в плохом отеле, и он по выходным моет машину, потому что машина – единственное, что он смог забрать без суда.

Красивая биография. Я её состряпала за четыре минуты и на секунду даже возгордилась собой.

– Верунь! – отец высунулся из бокса, где стояла бабы Зинина «Нива». – Ты пену так разводи, как разводить положено, а не как суп будешь варить!

Отец у меня один, и он прав всегда, в том числе, когда неправ. Папа после зимы не самый бодрый – сердце, говорят врачи, а папа говорит «пошумели и разошлись». Мы на мойке вдвоём почти полгода: наёмному работнику платить по нынешним ценам нечем. Уговор у нас простой: я летом мою, осенью папа отпускает меня куда глаза глядят. А глаза пока глядят в сторону лаборатории, где я сидела до прошлого года, мерила пробы и... имела с этим сложности, из-за которых, собственно, я и сейчас стою с пульверизатором в руке.

Это я вам сейчас не расскажу. Всё время распланировано, и на тайны у меня сегодня лимит израсходован, осталось только на чужие машины.

Я отошла от седана, чтобы подключить пена-пушку, и по дороге поймала себя, что смотрю не на машину, а на него. Под козырьком, в тени, он сидел очень прямо и неподвижно.

но, как человек, которого специально учили сидеть прямо. В детстве такая осанка называлась «только на праздники». И вот что странно: он ведь заметил, что я заметила. Не повернул головы, не поправился, просто положил телефон на колени. Экраном вверх. Честно, типа: ничего не читаю, я тут не при делах.

Машина – штука честная. Она выдаёт правду куда быстрее человека. Пена лежала на тёмном капоте ровно, будто снег в январе, и в этой белизне подрагивали мои собственные отражения, и я стояла и подумала, что сейчас вот, держа пена-пушку, я похожа на Снегурочку с плохим характером. И что мне, может быть, стоит подумать о себе, а не стоять над чужой биографией, как над лужей.

Он всё-таки посмотрел на меня. Не в глаза, нет. На плечи, на перчатки, на кузов. На всё, кроме глаз. И потом сказал, глядя на пену:

– Вы очень тщательно моете.

Не «спасибо», не «сколько с меня». «Вы очень тщательно моете». Я на этой работе год, и обычно это звучит как претензия: дескать, зря колдовали. Но у него это прозвучало как извинение. Как будто он извинился перед пеной.

– Это у нас семейное, – сказала я. – У нас отец моет так, что машина в конце рыдает и просит её не бросать.

Уголок его рта дёрнулся. Чуть-чуть. Не улыбка – обещание улыбки. Я перехватила это обещание и убрала в карман, где у меня обычно лежат монеты для сдачи, и подумала: ну

вот, несут же люди домой пустые коробки, а я – чужие улыбки.

Платил он картой, естественно. Наличные в наши дни – это как такие, как баба Зина: редкость и радость. Пока терминал соображал, он стоял рядом – ближе, чем надо было стоять, но не настолько, чтобы я имела право отойти. И сказал вдруг, тихо и ни к кому не обращаясь:

– Спасибо.

И вот что сообщу: я за свою жизнь слышала «спасибо» тысячу раз, и оно мне вечно было и в хвост, и в гриву, а тут – один раз, шёпотом, как будто это были единственные слова, которые у него на сегодня остались, и он отдал их мне, потому что больше некому.

Терминал пискнул. Чек. Он забрал копию, сложил её пополам – ровно, аккуратно, как складывают то, что не выбросят, – и сел в машину. Стекло прошло вверх с тихим электрическим вздохом. И он не посмотрел на меня ещё раз. Ни в зеркало, ни через плечо. Просто красные стоп-сигналы – и ушел в вечернее течение трассы, как будто его и не было.

А я осталась стоять с пена-пушкой в руке, жало её ещё сочилось белой пеной, капало на мои кеды, и в пахнувшей дыней тишине папа сказал из-за «Нивы»:

– Верунь. Клиент – не сериал. Сериалы мы дома смотрим.

– Я не смотрю, – сказала я. – Я анализирую.

– Ага, – сказал папа. – Анализируй давай. Только бампер у него грязный был. Под передним грязь. Кто только бампер

протирает – я вот не понимаю таких.

Я обернулась к выезду. Пусто. Солнце сползло на трассу, и фары встречных машин тянули по забору длинные жёлтые полосы, как будто кто-то большой раскрашивал наш вечер мелом.

А я стояла и честно держала в руках свою пустоту и знала только одно: в четверг он придет снова. Не потому что я загадала, а потому что люди, которые моют машину слишком часто, всегда приезжают снова. Машина – единственное подтверждение, что им куда-то надо.

Так я думала. И, как водится, была права. Не в главном – в деталях.

Но об этом – в четверг.

Глава 2. Второй четверг. Копилка

Он приехал через неделю, в четверг, в семь сорок. Я знала, что приедет, – и всё равно, когда на въезде мелькнула тёмная крыша, у меня внутри что-то сделало незаконный кувырок, за который я себя тут же отругала. Взрослая женщина. Мать. Специалист по удалению битума. Не хватало ещё кормить бабочек в животе.

– Полная, с воском, – сказал он.

Хотя я могла бы уже и молча кивнуть, но что-то в этой фразе было накрепко намотано на него, как шнур на ворот: не «помойте машину», а пароль, пропуск, способ войти в мой вечер, не дав мне ничего взамен.

– Полная с воском, – повторила я. – У нас, между прочим, по вторым пятницам скидка для постоянных клиентов.

– Сегодня четверг.

– Поэтому скидка не действует. Учитесь приходить вовремя.

Уголок его рта дёрнулся – тот самый, знакомый. Он сел под козырёк, положил телефон на колени экраном вверх и стал смотреть на мойку. И вот что я поняла: люди делятся не на тех, кто с телефоном и без, а на тех, кто умеет сидеть, и тех, кто не умеет. Он сидел с повадкой человека, которого приучили к ожиданию. В очередях, на переговорах, под дверями кабинетов. Ждал так долго, что ожидание стало ре-

меслом.

Дело было в том, что в тот четверг у нас на мойке случился Стёпа.

Стёпа – это мой сын, восемь лет, упрямство – лет на пятнадцать. В тот день у него было собрание кружка «Юный техник» (один юный техник, шесть компьютеров, ноль взрослых техников), и он прикатил ко мне на велосипеде раньше времени – с той особой скоростью, с которой дети появляются, когда матери нужно полчаса тишины.

– Мам! Мам! У меня там – смотри что!

Дальше по сценарию он должен был затормозить. По факту он затормозил там, где вспомнил про тормоза, – а вспомнил он их на подъезде к моей пена-пушке, рядом с которой как раз стоял господин «полная, с воском», нагнувшийся за упавшим телефоном.

Велосипед не задел ничего. Стёпина копилка, стеклянная банка с надписью «НА ДИНОЗАВРА», которую он нёс в рюкзаке, стащив с полки в тот день, потому что «мам, я не знал, что собрание раньше». Банка выпала из рюкзака, ударилась о педаль и разбилась о бетон с таким старательным дребезгом, будто репетировала неделю.

Стёпа замер. Я замерла. Мужчина у пена-пушки выпрямился с чужими монетами в обеих ладонях – ему их туда насыпало, как в лоток.

И вот тут случилось то, что я потом крутила в голове неделю. Он не сказал «да не расстраивайся, мелочь» – так гово-

рят люди, которые хотят, чтобы ребёнок замолчал. Он опустился на корточки. Перед ним по бетону рассыпалось рублей двести – пятаки, десятички, одна двушка. Он стал их собирать. Медленно, внимательно, как собирают рассыпавшиеся детали от чего-то важного. И я смотрела на взрослого мужчину в дорогой куртке, который ползает по моей мойке на коленях ради Стёпиных двухсот рублей, и понимала, что вся моя красивая биография – «разведён, тиран, гостиницы по нечётным» – только что рассыпалась тоже. Как банка.

– Сюда ещё один закатился, – сказал он и подал монету в сторону Стёпы. Тот подошёл – не сразу, с опаской, как подходят к незнакомым собакам. – Считать будешь или ты уже в кредит живёшь?

Стёпа посмотрел на него сверху вниз – и я приготовилась, потому что мой сын в таких случаях выдавал что-то типа «а вы кто такой». Но он вдруг сказал серьёзно, по-взрослому:

– У меня каждый раз со дна вываливается монетка. Банка дырявая была. Я в неё всё равно складывал, а снизу всё падало.

– Тогда надо было снизу начинать складывать, – сказал мужчина. – Первый рубль на дно положить – и всё закрылось бы.

Стёпа задумался. Я видела, как у него в голове приоткрывается дверца, за которой строительная карьера. Мужчина встал, отряхнул колени – колени были уже грязные, и я впервые заметила, что он это заметил, и что ему всё равно – и

протянул Стёпе остатки собранного. Тот сгрёб в ладошки.

– Спасибо, – сказал Стёпа. И потом, уже честно: – А у вас бампер треснутый.

– Стёпа! – сказала я.

– Что? Правда же.

И вот тогда мужчина посмотрел на меня. Всё-таки в глаза – впервые за два визита, на долю секунды. У него были глаза тёмные и очень усталые, усталые не в смысле «не выспался», а по-другому – как у людей, которые долго несут что-то тяжёлое и уже не помнят, что бывает, когда не несёшь. И он сказал:

– Правда же.

– Извините его, он сегодня без фильтра. Фильтр в стирке.

– Фильтр у меня тоже в стирке, – сказал он. И это была первая его фраза, которая не была про «полная, с воском». Я её записала. В себе. В тот же карман, где лежала вчерашняя обещанная улыбка, – там уже намечалось что-то вроде склада.

Он сел в тень. Стёпа сидел рядом, потому что Стёпа садится к любому, кто подал ему голос. Они разговаривали минут двадцать – я слышала обрывки: «юный техник», «динозавр – это какой, тираннозавр?», «мне папа говорил, что они не злые, они просто голодные». Я мыла машину и вслушивалась, и от этой подслушки мне делалось неловко и хорошо одновременно, как в детстве, когда слышишь через стенку, что мама смеётся с кем-то на кухне.

Потом он встал, заплатил, сказал «спасибо» – в этот раз громче, чем в прошлый, уже не шёпотом, – и, уже открывая дверь, вдруг обернулся к Стёпе:

– На дно положил?

– Положил, – сказал Стёпа. Он уже давно не думал ни про какое дно, но соврать было нельзя, и врать он не стал.

– Тогда банка цела. Просто теперь она – наверху.

Он уехал, а Стёпа до вечера спрашивал у меня советы, как правильно складывать деньги, и дважды спросил, будет ли «дядя с бампером» в четверг, а потом сказал самое страшное:

– Мам, а он грустный был. Просто он хорошо притворялся, что не грустный. Я так тоже умею. Когда мама тебя ругает.

Я сказала «спи давай», закрыла мойку, села в мою «Ладу» – да, у мойщицы есть машина, и она грязная, это шутка такая, – и долго не заводилась. Не машина. Я.

Потому что был четверг, солнце догорало за трассой, а я сидела в темноте и поняла простую вещь: человек с треснувшим бампером и дырявой копилкой в глазах моет машину по четвергам не потому, что любит чистоту. И с каждым четвергом мне всё меньше будет нравиться, что я это знаю.

Глава 3. Читательница чужой жизни

После того четверга Марк пропал. Не на день и не на два – на две недели. И я делала всё, чтобы не считать дни.

Я мыла машины. Я объясняла Стёпе, что «динозавр на копилку» – это метафора, а не бизнес-план. Я спорила с папой, который упорно называл пену «этой вашей химией», и полировала бампер бабы Зины так, будто от этого зависело, вернётся ли лето. Но дни считала. Сама себе не признаваясь, но считала: четверг, ещё четверг, ещё...

А потом в среду вечером, когда я уже хотела закрывать, на мойку заехал Сева, таксист с вечно виноватым лицом и запахом кофе на три километра вперёд.

– Вер, – сказал он, не вылезая из машины, – ты того мужика с треснутым бампером не видела?

– Какого мужика? – спросила я слишком быстро.

Сева хмыкнул. Он хмыкает всегда, будто знает про всех всё, а про себя – ничего.

– Ну, знаешь, тот, что у тебя каждую неделю воск просит. У него ещё бизнес какой-то... кухни. Так вот, говорят, партнёр его кинул. Забрал базу, часть заказов, а ещё вроде как суд будет. И жена уехала.

– Кто говорит? – спросила я, хотя уже знала, что сейчас

услышу.

– Да все говорят. В чате водителей. Там как раз про него – мол, мужик нормальный, просто не повезло.

Я кивнула, будто это была просто сплетня из разряда «у кого машина сломалась», и пошла дальше протирать зеркала. Но внутри у меня всё сжалось так, будто я сама только что ударилась бампером о невидимый столб.

Потому что теперь мозаика сложилась. Мебельные ручки из чека. Пустой бокс для очков. Запах отеля. И эта его неподвижность под козырьком – не скука, а усталость, которую некуда деть.

В ту же ночь мне приснился странный сон: будто я стою посреди мойки, а вокруг вместо машин – двери. Разные: старые, поцарапанные, с облупившейся краской, новые, лакированные, блестящие. И я должна угадать, какая из них – его. Я тянулась к одной, а она оказалась чужой. Просыпалась я с чувством, будто весь вечер что-то искала и не нашла.

На следующий день, в четверг, я была готова к тому, что он не приедет. И именно поэтому, когда тёмный седан медленно въехал на площадку ровно в семь сорок, у меня внутри всё перевернулось. Не от радости – от облегчения, которое я тут же спрятала за профессиональной ухмылкой.

– Полная, с воском, – сказала я раньше, чем он успел открыть рот.

Он чуть улыбнулся. Не той улыбкой, что обещала, а настоящей – усталой, но настоящей.

– Ты что, теперь сама заказы за меня делаешь?

– Экономлю твоё время. У тебя его и так мало.

Он не стал спорить. Просто кивнул и ушёл в тень. Сел. Телефон положил на колени экраном вверх – как всегда. Но в этот раз я смотрела не на телефон. Я смотрела на его руки. На то, как он сжимает и разжимает пальцы, будто пытается стряхнуть с них что-то невидимое.

Машина осталась на мойке на ночь – по его просьбе. «Мне просто нужно, чтобы она была чистой», – сказал он. И я согласилась, хотя это было странно: мойка не гостиница, машины тут не ночуют. Но я согласилась.

И вот тогда, уже после закрытия, когда папа уехал на своей «Ниве», а я осталась домыывать последний бокс, я увидела это. В багажнике, под старым пледом, лежала папка. Обычная, из кожзама, с оторванным уголком. Я не собиралась её открывать. Правда. Но она лежала так, что уголок торчал, и я зацепилась взглядом, а потом уже не смогла не посмотреть.

Внутри были чертежи. Аккуратные, чёткие, с пометками на полях. Кухни. Разные проекты, разные планировки. И почти на каждом – синяя линия, перечёркивающая половину листа. А на одном, самом мятом, в углу было написано: «МАМА». Не как проект, не как название, а как слово, которое человек пишет, когда ему нечего больше сказать.

Я закрыла папку. Закрыла багажник. И стояла посреди пустой мойки, чувствуя, как по спине ползёт холод, хотя август всё ещё держался за город своими тёплыми пальцами.

Я не хотела быть той, кто подглядывает. Но я уже была ею. И хуже всего было то, что я не могла перестать.

На следующее утро я приехала пораньше. Папа ещё не успел включить шланги, а я уже стояла у бокса и смотрела на эту машину, будто она могла мне что-то рассказать. И она рассказала – не словами, а деталями. На сиденье я заметила смятый чек из аптеки. На полу – забытую ручку с логотипом какой-то строительной фирмы. А на зеркале заднего вида висела маленькая фигурка – динозаврик. Тот самый, из дешёвого автомата, с облупившейся краской.

Я взяла его в руки. Он был лёгкий, почти невесомый, и пах пластиком и детством. И тут я поняла: это не его динозаврик. Это чей-то ещё. Может, сына. Может, племянника. Но точно не его. И от этого понимания мне вдруг стало легче дышать. Потому что, если есть динозаврик – значит, есть кто-то, ради кого всё это держится.

Папа пришёл, посмотрел на меня, на машину, на фигурку в моей руке.

– Опять анализируешь? – спросил он спокойно.

– Ага, – сказала я. – Только теперь я не про машину.

– Тогда брось. Машина – она и есть машина. А люди – они сложнее. Их не отмоешь, сколько пены ни лей.

Я улыбнулась. И положила динозаврика обратно на зеркало. Так, чтобы он смотрел вперёд, как будто ехал куда-то.

А днём приехал Марк. Забрал машину. Сказал «спасибо» – уже не шёпотом, а обычным голосом, но в нём всё рав-

но слышалось что-то, что раньше не было. Что-то вроде «я знаю, что ты видишь».

Я хотела спросить про папку, про чертежи, про «МАМА» в углу. Но не спросила. Потому что есть вещи, которые люди должны рассказывать сами. А пока они не рассказали – можно только ждать. И мыть машины. И надеяться, что пена смоем хоть немного чужой усталости.

Но я уже знала: она не смоем. Пена смывает грязь. А усталость остаётся. И теперь я хотела знать, как её смыть. Или хотя бы как сделать так, чтобы она стала чуть легче.